

Сюй Цзиин потемнел в глазах лишь на мгновение, а потом ему стало лучше. От ограды до кухни было далеко, и всё это время, пока Жун Фэйянь нёс его на руках, вокруг толпились люди. Сюй Цзиин заворочался и запротестовал:

— Опusti меня, быстро!

Жун Фэйянь вовсе не собирался позволять ему идти самому и сжал объятия еще крепче. Беспомощно вздохнув, он произнес:

— Ин-ин, не капризничай. Пошарь у меня на груди, видишь, что там?

— Не называй меня так...

Заметив, что Жун Фэйянь подмигивает ему, Сюй Цзиин в сомнениях протянул руку и действительно нащупал на его груди что-то объёмное. Вытащив это наружу, он увидел изящный маленький кошелек.

Стоило прикоснуться к лунно-белому мешочку, как стало ясно, что он сшит из превосходной ткани. Сложнейший серебряный узор переливался, но выглядел изысканно, а на солнце материал испускал едва заметное сияние.

Те несколько лянов серебра, что дал ему Жун Фэйянь, он рассматривал по несколько раз на дню и успел приучить руку чувствовать вес каждого ляна. В этом же кошельке было, пожалуй, лянов десять, а то и больше.

Не успел он развязать его, как Жун Фэйянь сказал:

— Хоу-е слов на ветер не бросает. Всё это серебро — твоё, а этот мешочек я приказал сделать специально: материал отменный, как раз чтобы серебро носить.

Сюй Цзиин держал в ладонях тяжелый кошелек, и на душе у него сразу стало спокойнее. Он больше не противился тому, что Жун Фэйянь несёт его. Сам же Жун Фэйянь, высокий, с длинными ногами, шагал быстро и вскоре добрался до места.

Войдя в палатку, он уложил Сюй Цзиина на постель и произнес:

— Это происходит не впервые.

Сюй Цзиин приподнялся на локте и в недоумении спросил:

— Что не впервые?

Жун Фэйянь скрестил руки на груди и прислонился к деревянному каркасу кровати, отчего его фигура казалась еще более высокой и стройной. Помолчав немного, он заговорил:

— Я уже не раз замечал, что тебе нездоровится, а на этот раз ты даже упал в обморок. Скажи, ты часом не повредил голову?

Услышав это, Сюй Цзиин опешил. С тех пор как он перенесся в этот мир, у него действительно время от времени болела голова.

Если говорить о травмах головы, то вспомнить можно было лишь то сотрясение, что он получил на стройке в современном мире. Неужели последствия той травмы перенеслись вместе с ним?

Сюй Цзиин раздумывал об этом, но вслух лишь покачал головой:

— Понятия не имею.

Жун Фэйянь видел, что тот скрывает что-то на уме. Он распахнул полы одежды, присел рядом, слегка наклонил голову и заглянул ему прямо в глаза:

— О чём бы ни шла речь, можешь рассказать мне. Я, твой слуга, заступлюсь за тебя.

Сердце Сюй Цзиина слегка дрогнуло, но еще сильнее в нем всколыхнулось необъяснимое отторжение. Столь прямое проявление заботы было для него в новинку.

В полумраке тесной палатки глаза Жун Фэйяня казались особенно яркими. Вокруг царил тишина, и слышно было лишь то, как они мерно и прерывисто дышат в унисон.

Сюй Цзиин откашлялся, опустил длинные узкие глаза и, отвернувшись, с напускной беззаботностью бросил:

— Того ли тебе заботиться? У меня руки и ноги целы, с какой стати я стану тебя утруждать.

Жун Фэйянь ничего не ответил, молча глядя на него пару мгновений, а затем поднялся на ноги.

— Раз уж я дал тебе это серебро, лежи сегодня смирно в постели и даже не думай тайком браться за работу. Я велю дядюшке Пэну за тобой приглядывать.

Сюй Цзиин промолчал, а тот добавил:

— Если снова станет плохо, сходи к старику Ду. Он полковой лекарь, и мастерство у него

сносное.

— Ох, — отозвался Сюй Цзиин, мысленно прикинув: за лечение ведь наверняка придется платить? Ни за что не пойду.

В этот момент Жун Фэйянь уже дошел до полога палатки. Одной рукой он приподнял занавесь, впуская внутрь дневной свет, и вдруг обернулся, с развязной ухмылкой глядя на Сюй Цзиина.

— Ин-ин, научись уже доверять мне. Этот господин к тебе со всей душой.

Не дав Сюй Цзиину опомниться, Жун Фэйянь шагнул за порог и был таков.

Сюй Цзиин не спеша переваривал слова Жун Фэйяня, пока наконец неловко не фыркнул, бормоча:

— Ишь чего удумал...

На этот раз он не пошел работать вовсе не потому, что послушался Жун Фэйяня, а потому, что голову пронзала тупая боль, и чувствовал он себя скверно.

Впав в полумрак тяжелого сна, он проспал какое-то время, а проснувшись, почувствовал себя гораздо лучше. Не заботясь о том, который теперь час, он поджал ноги, усевшись на матрасе, и наконец-то обрел время всё как следует обдумать.

Высыпав серебро из кошелька вместе с монетами, полученными в предыдущие дни, он разложил их перед собой. Получилась целая кучка.

Сюй Цзиин с радостью вертел монеты в руках, то и дело сдувая с них пылинки и протирая рукавом. Только ощутив в руках деньги, он почувствовал, что перенесенные тяготы были не напрасны.

Глядя на серебро, он размышлял: книг он читал немного, но в свободное время успел перелистать немало романов, а потому знал, что такое вымышленные эпохи.

Пусть он толком не понимал, настоящая ли это династия или выдуманный мир, для него разницы почти не было.

Если это реальная эпоха, то надеяться, что он изменит историю и взлетит на вершину мира? Мечтай больше, он в этом смыслит ровно ничего.

Так что думать об этом не стоило — куда важнее было заработать денег.

Раз уж небеса даровали ему шанс на перерождение, грех им не воспользоваться. Вот только отправная точка оказалась донельзя плачевной, хотя руки-ноги на месте, а ума хватает.

Если не считать умалишённого, который то и дело покушается на его задницу, вдобавок к долгу в пятьдесят тысяч лянов серебра перед деспотичным и самодурным хозяином, то положение его... казалось всё еще плачевным.

Сюй Цзиин тяжело вздохнул и пробормотал себе под нос:

— Мать твою, с чего это у меня такая бабская физиономия? Ни одна женщина-звезда не сравнится с такой красотой.

Раньше у него не было дорожных денег, и сбежать он не мог; теперь же серебро появилось, хоть и маловато.

Вдобавок к этому — хилое тельце и совершенно дьявольская внешность. Сбежать с таким багажом и впрямь непросто.

Он завалился на бок и принялся перебирать пальцами небольшую кучку серебра, вспоминая всё, что произошло между ним и Жун Фэйянем, и находя этого человека на редкость странным.

Тот хоть и имел на него определенные виды, но силой ничего не добивался, а когда заявлял, что заставляет отрабатывать долг работой, на деле швырялся серебром так, будто это пустяки.

Никто и никогда прежде не относился к Сюй Цзиину так хорошо, да и он сам никогда никого не любил.

Для Сюй Цзиина не имело значения, мужчины или женщины вокруг, а вопросы вроде того, кого любить — парня или девушку, казались ему совершенно бессмысленными.

Просто его сердце еще ни к кому не тянулось. Он не хотел никого любить и не желал, чтобы кто-то любил его; привычная замкнутая броня давно сделала его бесчувственным.

Больше всего в Жун Фэйяне его отталкивала излишняя напористость. В конце концов, когда кто-то внезапно начинает тебя обнимать и целовать, терпит далеко не каждый.

Сюй Цзиин не верил ему. Он лишь хотел заработать побольше денег, и первым шагом к этому был побег отсюда, но...

Он вслух протянул:

— Но дорожных денег не хватит.

Что делать, если нет денег? Достать их может только Жун Фэйянь. Он яростно взъерошил волосы и жалобно произнес:

— Неужели мне и вправду придется пустить в ход свою красоту?

Впрочем, бросаться Жун Фэйяню на шею было необязательно — в некоторых делах проще плыть по течению. Только вот почему-то стоило Сюй Цзиину увидеть Жун Фэйяня, как в нем закипала ярость, которую никак не удавалось подавить.

Да от одного этого у него голова начинала болеть.

Отгнав праздные мысли, Сюй Цзиин стал по одному складывать серебряные ляны обратно в кошелек: Всё на свете может оказаться фальшивкой, и только серебро...

Говоря это, Сюй Цзиин подбросил на ладони пухлый мешочек, поймал его и добавил:

— ...всегда настоящее.

Однако, взвесив кошелек на руке, он почувствовал неладное. Проверив вес, он поспешно высыпал серебро и пересчитал его дважды, окончательно сбившись с толку: Всё верно, но почему...

Почему он стал таким легким?

Убрав серебро обратно, а затем высыпав снова, он проделал это несколько раз, прежде чем заметил странность.

Вес кошелька тянул едва ли на десяток лянов, но если добавить к нему то серебро, что у него было изначально, ноша должна была оказаться куда тяжелее. Однако стоило высыпать монеты, как их количество оставалось прежним.

Только тогда Сюй Цзиин сообразил: этот маленький кошелек оказался на редкость вместительным.

Судя по размерам мешочка, всё это серебро вместе ни за что бы в него не поместилось.

Но сейчас оно не просто помещалось внутрь — скорее, дело было в чём-то ином, словно там таилось что-то еще.

Сюй Цзиин задумался, и мысль в его голове стала отчетливее. Заметив на столике подсвечник,

он взял его и снова раскрыл кошелёк.

После этого он во все глаза уставился на то, как длинный, почти с предплечье подсвечник медленно погрузился в кошелёк и исчез. Сюй Цзиин замер в полном оцепенении.

Сунув руку внутрь, он без труда извлек подсвечник в целости и сохранности.

Сюй Цзиин наконец поверил, что он и вправду в вымышленном мире. У него, чёрт побери, золотой палец!

От автора:

В жанре быта и земледелия просто обязан быть свой золотой палец! Пусть это и немного избито, зато чертовски практично, ха-ха-ха (``*)

<http://bllate.org/book/18792/1825614>